

УДК 316.4

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.9)

EDN: WOZCGI

Научная статья

ВОЗМОЖНОСТЬ, РЕСУРС, БРЕМЯ: РОЛЬ ВРЕМЕНИ В ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Анна Александровна Эндрюшко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия,
anna.endryushko@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1358-1145

Для цитирования: Эндрюшко А. А. Возможность, ресурс, бремя: роль времени в интеграции мигрантов // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 212–229. DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.9). EDN [WOZCGI](#).

Аннотация. Статья посвящена изучению роли времени в процессах интеграции мигрантов. Работа продолжает предыдущий этап исследования, выполненный на количественных данных, и направлена на раскрытие механизмов влияния времени. На основе 32 полуструктурированных глубинных интервью с мигрантами из Азербайджана, имеющими различный миграционный «стаж» (от 5 до более 20 лет), анализируется то, как время связано с аспектами интеграции, рассмотренными в предыдущей статье, опубликованной во втором номере журнала за 2024 год, – профессиональным статусом, межэтническим взаимодействием, языковыми навыками, качеством жизни, структурой идентичностей, транснационализмом. Анализ текстов интервью осуществлялся методом открытого кодирования с выделением подкатегорий, отражающих индивидуальные стратегии интеграции во времени. Результаты исследования демонстрируют, что влияние времени на интеграцию носит нелинейный и многомерный характер. В профессиональном продвижении и межэтническом взаимодействии оно выступает преимущественно фоном для реализации личных стратегий, слабо детерминируя изменения. В языковой интеграции и улучшении качества жизни наблюдается кумулятивный эффект, при котором время создаёт возможность для улучшений, но не гарантирует их. В транснациональных практиках и структуре идентичностей время трансформирует характер связей, а не их интенсивность – происходит переход от бытовой вовлечённости к символическим формам связи и формированию сложной, многослойной идентичности. Осмыслена роль времени в миграционных процессах как возможности, ресурса или бремени – в зависимости от жизненных обстоятельств и личной агентности мигрантов. Теоретический вклад статьи заключается в переосмыслении времени не как внешнего детерминанта, а как социально конструируемой категории, в которой мигранты становятся активными субъектами, управляющими своими временнымми нарративами. Исследование подтверждает, что успешная интеграция – результат не автоматического эффекта времени, а взаимодействия длительного пребывания с системой личных и структурных условий.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, время, темпоральность, долгосрочная миграция, циркулярная миграция, идентичность, транснационализм

© Эндрюшко А. А., 2025

Введение

Данная статья продолжает исследование роли времени в процессах интеграции мигрантов. Предыдущая работа по этой теме опубликована в журнале «Социологическая наука и социальная практика» в 2024 году [1]. Первый этап исследования, основанный на количественных данных, показал, что длительность проживания в стране приёма положительно коррелирует с такими параметрами интеграции, как языковые навыки и качество жизни. В то же время профессиональная интеграция и межэтнические контакты оказались слабо зависимыми от временного фактора, а динамика транснациональных связей и идентичностей продемонстрировала нелинейный, волнообразный характер. Основной вывод заключался в том, что время как объективный показатель (количество лет проживания) не является достаточным условием прогресса в интеграции. Его влияние опосредуется «соответствующими условиями» (образование, мотивация, ресурсы), что делает связь между временем и интеграционными процессами многоуровневой и неоднозначной.

Дальнейшее развитие этой проблематики требует обращения к качественной перспективе, поскольку время в миграционном опыте проявляется не только как объективный параметр, но и как субъективная категория. Мигранты не просто фиксируют количество прожитых лет, но и придают этому времени определённые смыслы, включают его в свои жизненные стратегии и используют как ресурс или ограничение. Именно качественная методология позволяет выявить, каким образом субъективные аспекты времени – ожидания, планы, оценка прошлого и проекции будущего – влияют на интеграционные траектории.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы дополнить количественный анализ качественными данными, позволяющими раскрыть механизмы влияния времени на интеграцию. По этой причине исследование опирается на тот же набор аспектов интеграции, что и количественная часть, – для обеспечения методологической согласованности и возможности триангуляции.

Статья представляет собой попытку соединить объективное и субъективное измерения времени в исследовании интеграции. Если в предыдущей работе ставился вопрос «что именно происходит с интеграцией мигрантов по мере увеличения длительности проживания?», то в данной акцент смещается на вопрос «почему это происходит?». Такой подход позволяет приблизиться к более целостному пониманию роли времени, рассматривая его не только как хронологическую переменную, но и как социально осмыщенную категорию, встроенную в индивидуальные траектории.

Теоретические основания: время и темпоральность в миграционных исследованиях

Долгое время миграция рассматривалась преимущественно как пространственное явление – процесс пересечения границ, сопряжённый с культурными,

языковыми и социальными барьерами [2, р. 234]. В последние десятилетия усилился интерес к темпоральному измерению миграции, что позволило сформировать отдельное направление исследований.

Одним из первых системных подходов к проблеме стала пространственно-временная концепция шведского географа Т. Хагерстронда [3, 4]. Его «география времени» рассматривает социальные процессы как последовательность событий в координатах времени и пространства. Центральными элементами являются «временной путь» (жизненный цикл индивида от рождения до смерти) и «станции» (места фиксации, например – дом или работа), в которых пересекаются социальные траектории. Хагерстронд выделил три группы ограничений, препятствующих любым видам активности, включая миграцию: 1) ограничения возможности – недостаток ресурсов (финансовых, физических, социальных); 2) связанные ограничения – необходимость координации действий с другими людьми (например, с семьёй); 3) регулирующие ограничения – нормативные и институциональные барьеры (законы, визовые правила, миграционные квоты). Таким образом, акцент делается не только на перемещении как таковом, но и на том, какие возможности оно открывает или закрывает для людей.

Более детализированную концептуализацию предложил С. Квернер, выделивший восемь типов «времён миграции» [5]. Они сгруппированы в три кластера: 1) практические времена: странное (*strange*), гетерономное (*heteronomous*) и асинхронное (*asynchronous*) – отражают начальный этап адаптации и связаны с решением насущных проблем; 2) выразительные времена: воспоминаемое (*remembered*), коллажное (*collage*) и лиминальное (*liminal*) – указывают на развитие рефлексивности и амбивалентности миграционного опыта; 3) долгосрочные временные режимы: кочевое (*nomadic*) и диаспоральное (*diasporic*) время – характеризуют устойчивые транснациональные практики и переосмысление идентичности в долгосрочной перспективе. Модель Квернера помогает показать, как временные переживания мигрантов трансформируются от первичной адаптации к символическому освоению двойственного положения.

Позже М. Гриффитс, А. Роджерс и Б. Андерсон предложили всесторонний теоретический обзор [6], акцентировав внимание на неопределённости, дизъюнкции и двусмысленности миграционного времени. Авторы вводят понятие «сложных времён миграции» (*complex temporalities*), подчёркивая, что мигранты часто живут в состоянии «ожидания», « зависания» или «приостановленного будущего», особенно в условиях временных виз, неясного правового статуса или циклической миграции. Эти состояния становятся частью повседневной реальности, формируя особые временные режимы, которые невозможно описать через линейные модели интеграции.

Особый пласт исследований касается правовых и политических измерений времени. Введены понятия «государственной темпоральности» и «бюрократического времени» [7], описывающие, как иммиграционные режимы структурируют жизненные траектории мигрантов. Незаконность зачастую является результатом нарушения именно временных правил (сроков виз, разрешений

на работу и пр.). Более того, государства сами дифференцируют мигрантов: для одних категорий время ожидания может быть ускорено (высококвалифицированные специалисты, бизнес-иммигранты, соотечественники) [8], для других – растянуто на годы [9]. Это формирует не только правовые различия, но и линии напряжённости между «долгосрочными» и «краткосрочными» мигрантами, между разными миграционными волнами [10; 11].

Подобно тому, как транснационализм стремится преодолеть границы национальных государств, темпоральные подходы пересматривают представления о линейности миграции [12]. Миграция понимается не как одноразовое решение, а как динамичный процесс, где временность и постоянство переплетаются: «временные» мигранты нередко задерживаются на десятилетия, а «постоянные» принимают решение о возвращении. Здесь особое значение приобретают такие темы, как временная социализация в новом обществе (новые формы переживания времени), специфика свободного времени мигрантов [13; 14].

В российском контексте вопросы темпоральности представлены в работах О. Е. Бредниковой, анализирующей субъективное восприятие времени трудовыми мигрантами из Средней Азии. Ею предложен концепт «мобильного субъекта», чья жизнь протекает в режиме «секундного времени» [15; 16]. Важный вклад в развитие тематики также внесла М. С. Савоскул, показав роль длительности проживания в формировании разных волн миграции. Автор отмечает, что этнические группы с давними диаспоральными связями (в частности, армяне и азербайджанцы) демонстрируют более высокую степень интеграции, что связано с их длительным пребыванием и институционализированным присутствием в России [17].

Наконец, проблематика времени тесно связана и с концепцией транснационализма. Т. Файст различает два типа транснациональных образований: транснациональные родственные группы, для которых характерно временное сохранение связей (часто прекращающихся после воссоединения семей или смерти первых мигрантов) и транснациональные сообщества (такие как диаспоры), поддерживающие устойчивые связи на протяжении поколений [18]. Для первых наблюдается обратная связь между временем, интеграцией и ослаблением транснационализма, для вторых такой зависимости не выявляется.

Итак, ключевая теоретическая установка данной статьи основана на представлении о времени как о многомерной категории, включающей объективные и субъективные измерения. С одной стороны, время структурируется государственными институтами и социальными ограничениями, с другой – переживается мигрантами как личный и коллективный опыт. Интеграция в этом контексте предстаёт не линейным процессом, а результатом взаимодействия разных темпоральных режимов: бюрократического, социального и субъективного. Такой подход позволяет соединить макроуровень институционального регулирования и микроуровень индивидуальных траекторий, раскрывая сложные и неоднозначные формы влияния времени на миграцию и интеграцию.

Данные и методология

Эмпирическую основу исследования составляют данные полуструктурированных интервью с мигрантами (на примере выходцев из Азербайджана), проведённых автором в 2019 году. Общая выборка для данного исследования составила 32 интервью: 15 информантов ранее участвовали в количественном этапе исследования – 2017 год [1, с. 151–152], остальные 17 привлечены с применением метода «снежного кома». Возраст информантов варьировался от 23 до 65 лет. Основная часть – мужчины (26 человек), что отражает гендерную структуру трудовой миграции из Азербайджана (по данным опроса 2017 года, женщины составляли лишь 19%). Интервью проводились в Москве и ближнем Подмосковье (Одинцово, Люберцы, Красногорск, Химки) в формате личных встреч и видеозвонков по WhatsApp. С согласия респондентов они были записаны, затем дословно транскрибированы.

Под мигрантами в данном исследовании понимаются лица, родившиеся вне России и проживающие на её территории постоянно или временно, включая тех, кто уже получил гражданство. В отличие от количественной части исследования, где респонденты группировались по длительности проживания (до 5 лет, 5–10 и более 10 лет), в качественном анализе временной параметр рассматривается как *динамическая ось нарратива*, а не фиксированная категория. Вместе с тем для аналитического удобства и выявления возможных паттернов мы условно разделили информантов на две группы по длительности проживания: до 10 лет (10 информантов) и более 10 лет (22 информанта). Это разделение выбрано не произвольно. Во-первых, оно приближается к порогу, используемому в международных исследованиях интеграции (например, в работах OECD) для обозначения перехода к «долгосрочному проживанию». Во-вторых, наши эмпирические данные также указывают, что именно после 10 лет проживания мигранты принимают решения о получении гражданства, покупке жилья, воссоединении семьи или карьерном переосмыслении – то есть совершают действия, свидетельствующие об «укоренении». Дополнительно внутри группы «старожил» (живущих более 10 лет) выделена когорта «мигрантов первой волны» (8 информантов), приехавших в 1990-е гг. (после 1992 года), чей опыт формировался в уникальных условиях постсоветской трансформации. Все они на момент исследования – граждане РФ. Эта подгруппа представляет особый интерес с точки зрения анализа долгосрочных эффектов времени и трансформации идентичности. Дополнительно респонденты классифицированы по типам миграционных стратегий: долгосрочные мигранты (не покидающие РФ год и более – 23 человека) и циркулярные (проводящие в России не более года – 9 человек).

Анализ проводился методом открытого кодирования с опорой на обоснованную теорию [19]. Гайд интервью включал блоки вопросов о профессиональной траектории, условиях жизни, языковых практиках, межэтнических взаимодействиях, транснациональных связях и идентичностях. На первом этапе применялось открытое кодирование по этим аспектам интеграции. На втором

этапе для каждой категории были выделены подкатегории, отражающие индивидуальные стратегии влияния времени в интеграции.

Следует отметить несколько ограничений исследования. Во-первых, сосредоточение на одной страновой группе мигрантов и одном регионе исследования ограничивает возможности широких обобщений. Во-вторых, гендерный «перекос» может снижать «видимость» женского миграционного опыта. Эти ограничения учитываются при интерпретации результатов, которые рассматриваются как аналитически значимые, а не статистически обобщаемые.

Результаты

Результаты анализа глубинных интервью представлены в трёх блоках, сгруппированных в соответствии с силой связи между длительностью проживания и интеграционными показателями, выявленной в количественном исследовании [1]. Последовательность изложения выстроена по принципу перехода от факторов с относительно слабой и линейной зависимостью от временного фактора к факторам со сложной, нелинейной динамикой. Это позволяет последовательно раскрыть как инерционные, так и трансформирующиеся аспекты интеграционного процесса.

1. Профессиональные траектории и межэтнические контакты: углубление в «нулевые» взаимосвязи

Анализ на количественных данных показал слабую связь между длительностью проживания и прогрессом в профессиональном статусе. Интервью подтверждают этот результат: время в данном случае играет скорее роль стабилизирующего фона, чем фактора прямого влияния. Оно фиксирует занятость, расширяет или сужает возможности, но не гарантирует профессионального роста. Можно выявить несколько устойчивых траекторий, связывающих профессиональную интеграцию и длительность проживания, каждая из которых демонстрирует разное отношение к временному фактору.

Первая траектория связана с опорой на земляческие или этнические («диаспоральные») сети. Мигранты начинают трудовую деятельность через родственников или земляков: «брать привёл», «знакомый позвал». Как правило, это сферы с низким порогом входа: торговля, транспорт, общепит. Такие связи не гарантируют устойчивости во времени, особенно при нестабильном правовом положении. Так, информантка 3 (5 лет в РФ) занимается «случайными работами по знакомству» в сфере домашних услуг, сталкиваясь с отказами при попытках легального трудоустройства. Однако и высококвалифицированная занятость может зависеть от сетей. Информант 2 (6 лет в РФ, менеджер фармкомпании) подчёркивает: «Только через знакомых. Просто так найти – даже в "Пятёрочке" не факт, что меня возьмут». Информантка 17 (более 20 лет в РФ) получила высшее образование в РФ, но не смогла устроиться учителем

самостоятельно: «Я, наверно, школ 20 обошла и везде мне отказывали... Просто отказывали, и в одном сказали: вот вы нерусская, плюс вы не светленькая, и у вас имя какое-то странное». В итоге ей удалось устроиться в университет, «но через связи и через азербайджанцев».

Вторая траектория представляет собой постепенную автономизацию и профессиональный рост, вплоть до открытия собственного дела. В этом случае мигранты с накоплением опыта (со временем) осваивают российский рынок труда, переходят к предпринимательству или карьерному продвижению. Их трудовая деятельность фактически не зависит от земляческих или родственных связей. Так, информант 1 (15 лет в РФ) прошёл путь от рядового консультанта отделения банка до фрилансера и владельца бизнеса, анализируя рыночные механизмы, логистику и целевую аудиторию, а не личные связи. Ярким примером успешной интеграции в сегмент высококвалифицированных работников является информант 18 (14 лет в РФ), карьера которого развивалась от консультанта в салоне связи до управляющего ИТ-менеджера в этой же компании. Он приехал с хорошим знанием русского языка, наличием высшего образования, опирался на личные силы и мотивацию.

Для таких мигрантов время выступает как ресурс накопления компетенций и капитала. Часто они создают бизнесы, ориентированные на «этнические ниши» (торговля, общественное питание), но уже с профессиональным управлением и глубоким пониманием культурного контекста. Респондент 1 торгует не просто продуктами, а продуктами с «исторической родины предков», у него *не просто вино, а «настоящее грузинское вино»*, *не просто ткемали, а «настоящий ткемали»*¹. Информанты 22 и 30 (более 25 лет в РФ, «первая волна») также заняты в сфере торговли, владеют несколькими точками.

Легализация бизнеса зависит от правового статуса самого мигранта. Если у граждан РФ и владельцев ВНЖ проблем не наблюдается, то, например, информант 8 (циркулярный мигрант около 8 лет)² ввиду отсутствия устойчивого правового положения (не имеет патента) оформил ИП на свою сотрудницу, местную жительницу. В его случае время и наличие мотивации не компенсировало юридическую маргинализацию.

Третья траектория может быть обозначена как «профессионализация этничности», когда мигранты строят карьеру, опираясь на свою культурную специфику, превращая её в ресурс. Например, информант 6 живёт в РФ 18 лет, но сознательно не оформляет гражданство – он публицист и медиаактивист, посвятивший себя «азербайджанскому вопросу». Информант 5 (17 лет в РФ) – журналист, эксперт по российско-турецким отношениям, демонстрирует пример транснациональной профессионализации. Информантка 4 (8 лет

¹ Родители информанта – этнические азербайджанцы родом из Грузии, переехали в Азербайджан, оттуда в Россию.

² Здесь и далее подобная запись означает, что мигрант не проживает в РФ постоянно, приезжает на некоторый срок на работу, возвращаясь домой, на протяжении того периода, который указан в записи в скобках. Этот период считается его «миграционным стажем».

в РФ) – хореограф, работает в российском государственном культурном центре, её нашли «через посольство», что иллюстрируют переход от земляческих связей к профессиональному «брэндингу».

Выделенные траектории – не автоматический процесс, а результат выбора и активных действий. Информант 1 пришёл к предпринимательству из-за низкой зарплаты на прежнем месте работы (сначала он работал по найму), отсутствия карьерного роста и неудовлетворённости: «Ждал, ждал, никак не дождался [повышения]». Это высказывание выражает не просто мотивацию к карьерному росту, но и внутреннее переживание времени как пустого, застывшего ожидания. Другие информанты, даже при длительном проживании, остаются в сферах с высокой неустойчивостью. Например, информант 7 в циркулярной миграции около 20 лет, остаётся в сфере неформальных перевозок и сезонной торговли ввиду собственного неустойчивого правового положения.

Время становится значимым в зависимости от того, видит ли мигрант в нём потенциал для действия. В случае циркулярной миграции фиксация занятости в низкоквалифицированных сферах может являться осознанной стратегией и, соответственно, показателем автономности. Например, информантка 10 (циркулярная мигрантка более 20 лет) постоянно меняет работу в неформальном секторе (общепит, торговля). Её цель – заработка ради образования и благополучия детей на родине. Работа воспринимается как временная помощь, а интерес к легализации или карьерному росту отсутствует.

Таким образом, время – необходимое, но недостаточное условие для профессионального роста. Оно становится значимым лишь тогда, когда сочетается с устойчивым правовым статусом, образованием и личной мотивацией. В противном случае время закрепляет существующие ограничения, а не преодолевает их.

Динамика межэтнических контактов также демонстрирует слабую связь со временем, определяясь в большей степени личными предпочтениями и жизненными обстоятельствами. Анализ позволил выявить несколько устойчивых стратегий коммуникации.

Преимущественно замкнутые сети, ориентированные на общение с родственниками и соотечественниками. Информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) утверждает, что среди его друзей «90% – азербайджанцы», а информантка 3 (5 лет в РФ) заключает, что «круг общения – другие мигранты из Азербайджана». Эта стратегия характерна как для циркулярных, так и для долгосрочных мигрантов разной длительности проживания, что указывает на её независимость от времени.

Формирование гетерогенных сетей взаимодействия, обусловленное работой в смешанных коллективах или учёбой в России. Они складываются не постепенно во времени, а ситуативно, в ответ на конкретные жизненные условия. Информант 1 (15 лет в РФ) подчёркивает: «У меня интернациональный круг общения в силу [учёбы в] РУДН». В бизнесе он готов нанимать людей любой национальности. Информантка 17 (более 20 лет в РФ) работает в российском вузе,

поэтому её коллеги главным образом местные жители. Смешанные контакты также могут быть связаны с семейным контекстом. Информант 2 (6 лет в РФ) родился в многонациональной семье, теперь его ближайшие друзья – русский и украинец, а девушка – молдаванка.

Избирательный подход к контактам, когда межэтническое общение выстраивается вокруг определённых условий. Например, информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) общается только с русскими, которые приняли ислам и разделяют его религиозные ценности. Информант 12 (более 25 лет в РФ, «первая волна») использует территориальный принцип: «У каждого свой круг, я общаюсь с бакинцами, там разные, армяне есть, русские, евреи... но выходцы из Баку».

Важно отметить, что заявления вроде «у меня всякие друзья есть, есть русские и т. п.» носят поверхностный характер. Более глубокий анализ показывает, что межэтнические связи чаще остаются профессиональными или «дежурными». Обсуждение тем брака детей (в частности, нежелание отдавать их замуж или женить на представителях другой национальности) и семейных ценностей выявляет сохраняющуюся культурную дистанцию между мигрантами и принимающим большинством (этническими русскими). Эти культурно-поведенческие паттерны, сформированные личным опытом информантов, не могут не влиять на характер их межэтнических взаимодействий.

Ещё одно препятствие для межэтнических контактов – воспринимаемая дискриминация. Информанты отмечают, что сталкивались с нетерпимостью в первые годы миграции¹. Длительное проживание способствовало нормализации повседневных взаимодействий и снижению остроты восприятия бытовой ксенофобии. Как отмечает информант 5 (17 лет в РФ): «Я научился не реагировать, просто игнорировать».

Профессиональный статус и межэтнические контакты образуют сферы интеграции, в которых время выступает не прямой причиной изменений, а платформой для накопления ресурсов и реализации стратегий. Прогресс в этих областях становится возможным лишь при сочетании длительного проживания с другими критически важными условиями: устойчивым правовым статусом, образованием, личной мотивацией и благоприятным социальным контекстом.

2. Языковые навыки и качество жизни: кумулятивный эффект

Языковые навыки и качество жизни демонстрируют более очевидную связь со временем, однако эта динамика носит не механический, а кумулятивный характер.

Для информантов, получивших школьное образование в советский или ранний постсоветский периоды (старше 30 лет), русский язык изначально

¹ Это могло быть связано и с общей общественной напряжённостью, межэтническими конфликтами в России в 2010–2015 гг. (такими, как беспорядки на Манежной площади в 2010 году или в Бирюлёво в 2013 году).

не является барьером, а выступает ресурсом интеграции¹. Информант 1 (15 лет в РФ) констатирует: «Мы русскоязычные... в Азербайджане неофициально второй язык русский». Схожие установки демонстрирует информант 5 (17 лет в РФ): «Русский язык и русская культура открыли мне мир... я мечтал жить в Москве». Информантка 4 (8 лет в РФ) также подчёркивает: «Я русскоязычная. Я и русскую школу там [на родине] закончила».

При этом в Азербайджане наблюдается тенденция к дерусификации (например, переход на латиницу). Для мигрантов «первой волны» – это шаг к отдалению от родного языка (они теряют письменные навыки) и даже изначальный побудительный мотив переезда в Россию: «Я учился в школе, в садике, в техникуме, всё у меня происходило на русском. Возвращаться на родину – была латынь, я и писать не мог на латыни...» (информант 21, более 25 лет в РФ, «первая волна»).

Русский язык становится доминирующим в публичной и профессиональной сферах, в то время как родной сохраняется в приватном, семейном общении. Информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) отмечает: «Люди, когда разговаривают, они переводят на свой язык и отвечают на русском. Я и мыслю по-русски». Эта фраза – не просто констатация владения языком, а рефлексия о глубокой трансформации, которая заняла годы постоянного использования языка в повседневной жизни.

Азербайджанский язык в семейном кругу сохраняется как осознанная стратегия поддержания этнокультурной идентичности: «Я специально говорю с детьми на азербайджанском, чтобы они не забыли язык» (информант 6, 18 лет в РФ). Информант 1 (15 лет в РФ) дома говорит по-азербайджански, но с друзьями-соотечественниками – по-русски, читает и ведёт профессиональную деятельность исключительно на русском языке. Это указывает на диглоссию, управляемую контекстом: язык становится маркером социальной роли, а не этнической принадлежности.

Время не столько учит языку, сколько способствует его интериоризации и функциональному перераспределению. Этот процесс – пример кумулятивного эффекта времени, при котором ежедневное использование языка постепенно меняет когнитивные и поведенческие установки.

В качестве ключевого индикатора качества жизни рассматривались жилищные условия. Можно выделить две основные модели, связанные со временем и типом миграции.

«Транзитное» жильё – аренда, совместное проживание, временное безвозмездное размещение у родственников и знакомых². Это характерно для начальных этапов миграции (до 10 лет), а также для циркулярных мигрантов любого стажа. Жильё в этом случае воспринимается как бремя и источник финансовой нестабильности. Информантка 3 (5 лет в РФ) живёт у знакомых, что

¹ Почти все интервью были проведены на грамотном русском языке. Лишь у двух информантов наблюдался заметный акцент, у одной информантки уровень владения русским (субъективно, на взгляд автора) можно оценить как «удовлетворительный».

² Сюда же можно отнести проживание на территории работодателя, в том числе в строительных вагончиках. Однако среди наших информантов таких не было.

свидетельствует о крайней степени уязвимости. Информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) арендует квартиру с отцом, деля расходы.

В редких случаях транзитное жильё может быть следствием внешних шоков. Например, информант 1 (15 лет в РФ) в начале миграции имел собственное жильё (совместно с отцом), которое было утрачено вследствие криминального давления. В итоге он живёт в съёмной квартире с братом, копит на ипотеку, но отмечает, что это крайне сложно.

В других случаях аренда при большом стаже проживания (15–20 лет) указывает на структурные барьеры (высокие цены, нестабильный доход) или отсутствие долгосрочных планов на «укоренение». Ряд респондентов с опытом проживания более 15–20 лет (информанты 8, 9, 10, 15) продолжают жить в режиме циркулярной миграции, без ориентации на покупку жилья в России.

«Укоренённое» жильё – покупка собственной квартиры или доступ к семейному жилью (через брак или ресурсы родителей). Например, информант 6 (18 лет в РФ) не оформляет гражданство, но имеет собственную квартиру: «*У меня есть своё жильё. Это необходимо – чувствовать стабильность.*» У информанта 2 (6 лет в РФ) отец купил квартиру в новостройке, что стало важным ресурсом для всей семьи: «*Это поможет мне получить гражданство.*» Информантка 4 (8 лет в РФ) вышла замуж за гражданина России, что обеспечило ей доступ к семейному жилью.

Переход от аренды к собственности – ключевой рубеж в интеграции. Этот переход может происходить как постепенно (в результате накопления капитала), так и скачкообразно (в результате изменения семейных обстоятельств). Жильё здесь выступает не только как экономический, но и как символический индикатор интеграции. Покупка квартиры становится символом того, что «*наконец всё сложилось*» (информант 26, более 25 лет в РФ, «первая волна»). Такие нарративы содержат оценку прожитого времени как периода преодоления, где годы интерпретируются как путь от нестабильности к укоренённости. Время увеличивает вероятность такого перехода, но не гарантирует его.

В сферах языка и качества жизни временной фактор проявляется наиболее отчётливо, но его действие носит кумулятивный и опосредованный характер. Языковые практики трансформируются в сторону функционального доминирования русского языка, однако этот процесс нелинеен и начинается ещё до миграции. В жилищной стратегии время создаёт возможности для перехода от «транзитного» существования к «укоренению» через покупку жилья, однако реализация этой возможности блокируется структурными барьерами (высокие цены на недвижимость, нестабильный доход) и избранной миграционной стратегией (отсутствием планов на постоянное проживание).

3. Динамика разрывов: трансформация транснационализма и идентичностей во времени

Анализ количественных данных показал, что транснациональные связи и структура идентичностей демонстрируют не линейную, а волнообразную

динамику во времени. Пик транснационализма приходится на 5–10 лет проживания, после чего наблюдается снижение. Качественные интервью подтверждают эту закономерность и раскрывают её механизмы: время ведёт к усложнению и стратификации связей.

При долгосрочной миграции до 10 лет, а также при циркулярной стратегии характерен транснационализм с активной бытовой вовлечённостью: регулярные поездки на родину, ежедневное общение через мессенджеры и систематическая материальная поддержка родственников. Этот период характеризуется также высоким эмоциональным включением и стремлением сохранить привычный социальный контекст. Информант 2 (6 лет в РФ): «Регулярно езжу, активно общуюсь с друзьями». Информантка 4 (8 лет в РФ): «Езжу каждое лето к маме, общаемся по видеочату ежедневно». Информантка 3 (5 лет в РФ): «Связь сильная – я только недавно уехала».

С течением времени (проживание более 10 лет), или при переходе от циркулярной стратегии к долгосрочной миграции, интенсивность связи снижается, но это не линейный процесс. Происходит качественная трансформация: материальная помощь становится более точечной – по событиям (при болезни, строительстве дома), а не систематической, личные визиты становятся более редкими.

Наблюдается переход к более символическим и менее ресурсоёмким формам транснационализма – потреблению новостей и ностальгической связи с культурным наследием. Информант 1 (15 лет в РФ) констатирует: «Не был 8 лет. Связь – через новости и материальную помощь». У информанта 5 (17 лет в РФ) транснационализм приобретает форму тоски по необратимым изменениям: «Испытываю ностальгию по "старому" Баку, но не принимаю новый». В отдельных случаях, как у информанта 6 (20 лет в РФ), связь профессионализируется: «Моя работа есть связь с Азербайджаном».

Примечательным феноменом является устойчивость «мифа о возвращении» – установки на потенциальный отъезд в случае улучшения условий в Азербайджане, характерной для всех информантов, даже «первой волны». Информант 28 (более 25 лет в РФ, «первая волна») заявляет: «Все! Все бы уехали. Думаете, от хорошей жизни все тут?». Однако анализ жизненных траекторий показывает, что данная установка функционирует скорее как элемент коллективной идентичности, компенсирующий ощущение культурной дистанции, нежели как реальный миграционный план.

Транснационализм не ослабевает – он трансформируется. Временная динамика выражается не в линейном снижении его интенсивности, а в изменении качества: от бытовой и материальной вовлечённости – к символической и культурной. Спад в количественных данных связан с тем, что там фиксируются преимущественно практические проявления (поездки, звонки), игнорируются символические и профессиональные формы вовлечённости. Это создаёт иллюзию «отдаления», тогда как на самом деле идёт переход от прямого участия к рефлексии.

Структура идентичностей демонстрирует наиболее рельефную связь со временем, проявляющуюся в постепенном усложнении и стратификации.

Этническая идентичность сохраняется как непоколебимое ядро самовосприятия, независимо от длительности проживания. Все информанты подчёркивают свою принадлежность к азербайджанскому народу. «Конечно, я горжусь. Я всегда говорил, что я азербайджанец, никогда не скрываю» (информант 2, 6 лет в РФ). Эта идентичность не ослабевает с годами, напротив, она становится ещё более рефлексируемой. Однако с течением времени может возрастать эмоциональная дистанция по отношению к стране исхода, что выражается в ремарках типа «Я там уже чужой» (информант 7, циркулярный мигрант около 20 лет).

Гражданская идентичность – «россиянин» – формируется постепенно. Она возникает не автоматически с получением гражданства, а через длительное погружение в общественно-политическую жизнь, эмоциональную привязанность. Информант 1 (15 лет в РФ): «Гражданин России уже давно, и мне нужно знать, что здесь происходит». Употребление слова «давно» – не просто указание на хронологический срок, а моральный аргумент: длительность пребывания легитимизирует чувство принадлежности. Он участвует в онлайн-опросах московских властей, болеет за российские команды, для него «россиянин на первом месте». При этом его этническая идентичность не исчезает – она наславивается, образуя гибрид. Информант 5 (17 лет в РФ) актуализирует советскую идентичность как основу общероссийской: «Я советский человек... я считаю себя россиянином». Однако российская идентичность для мигрантов не универсальна. Информант 6 (18 лет в РФ) сознательно отказывается от гражданства и не чувствует себя россиянином, поскольку его профессиональная деятельность основана на критике российской политики в отношении «диаспор».

Локальная идентичность («москвич») часто формируется быстрее, чем гражданская. Принадлежность к городу возникает через комфорт, знакомство с пространством, личные истории. Информантка 4 (8 лет в РФ) отмечает, что Москва из «города-мечты» превратилась в место, где она чувствует себя «своей». Информант 5 (17 лет в РФ) апеллирует к когнитивной составляющей этой идентичности: «Звание "москвич" нужно заслужить глубоким знанием города». Эта идентичность менее идеологизирована, но высоко ценится – она символизирует успешное укоренение в повседневной жизни.

Структура идентичности у мигрантов демонстрирует сложную, иерархическую и динамическую природу, где этническая идентичность остаётся стабильным ядром, а гражданские и локальные идентичности формируются постепенно, во взаимодействии со временем и средой. Даже циркулярные мигранты с длительным опытом миграции обладают элементами российской идентичности – они знают город, понимают правила, участвуют в экономике. Таким образом, время усиливает многослойность идентичности, но не разрушает её этнического основания.

Обсуждение и выводы

Вопрос о роли времени в процессах интеграции мигрантов может казаться очевидным: чем дольше человек живёт в принимающей стране, тем более

он «встраивается» в её экономику, культуру и общество. Наше исследование демонстрирует, что время – необходимое, но не достаточное условие этого процесса. Связь между временем и интеграцией не является универсальной. Время само по себе не гарантирует прогресс в интеграции: его влияние оказывается неоднородным, опосредованным и во многом производным от других факторов. Анализ выявляет три различных режима действия временного фактора на разные аспекты интеграции.

В профессиональной сфере и межэтническом взаимодействии время слабо связано с положительными изменениями: карьерный рост и расширение социальных сетей зависят от наличия правового статуса, образования и активного использования возможностей. В этих областях время может выступать лишь как фон, на котором реализуются или, напротив, блокируются стратегии мигрантов, но не как движущая сила этих изменений.

Языковые навыки и качество жизни демонстрируют более выраженную положительную динамику, обусловленную кумулятивным эффектом повседневного опыта: постоянное использование русского языка приводит к его когнитивной интериоризации, а постепенное накопление ресурсов позволяет улучшать жилищные условия и достигать большей стабильности. Однако и здесь время действует не автономно, а в симбиозе с экономическими возможностями, семейными обстоятельствами и намерениями укорениться.

Наиболее сложная, волнообразная динамика наблюдается в сфере транснационализма и структуры идентичностей: здесь время не ведёт к простому ослаблению связей с родиной или «замене» одной идентичности другой, а способствует их качественной трансформации – от бытовой вовлечённости к символическим практикам, рефлексивному сосуществованию в двух мирах. Эта динамика свидетельствует о том, что временные процессы в миграции нельзя сводить к хронологии. Они требуют интерпретации как множественных темпоральностей, в которых мигранты одновременно живут в режимах ожидания, компенсации, наслоения и рефлексии.

Важно отметить, что для тех, кто долгие годы находится в стране приёма без гражданства или в режиме циркулярной миграции, время может стать также источником бремени и представления об утраченных возможностях. Бюрократические процедуры по поддержанию легального статуса (оформление патентов, РВП, ВНЖ) отнимают значительные временные, финансовые и психологические ресурсы, которые могли бы быть направлены на профессиональный рост или личное развитие. Длительное пребывание в роли циркулярного мигранта может приводить к возникновению глубокого чувства потери: «Я упустил время, сейчас мне 55 с лишним лет уже, я в своё время не подумал... Думал, что это всё временно – я поработаю и поеду к себе. Я и там [на родине] упустил шанс свой, и тут не стал гражданином, это моя ошибка» (информант 7, циркулярный мигрант около 20 лет). Такие нарративы раскрывают темпоральную травму миграции – когда годы, проведённые в стране пребывания, осмысливаются как несправедливо потраченные (потерянное жильё, сорванные карьерные планы, неполучение гражданства, невозможность самореализации).

Теоретически данное исследование вносит вклад в переосмысление времени в миграции не как внешнего детерминанта, а как социально конструируемой категории, которая становится ареной агентности, смыслового освоения и управления жизненными траекториями. Вместо линейной модели «чем дольше – тем лучше» предлагается более сложная картина, в которой время может «работать», «не работать» или «двигаться волнами» – в зависимости от того, как мигрант его переживает, использует и интерпретирует.

Применение длительности проживания как классификаторного критерия в исследованиях интеграции требует рефлексивного подхода. С одной стороны, временные рубежи (например, 5, 10 или 15 лет) могут служить аналитическими ориентирами, помогающими структурировать сравнение и выявлять общие тенденции, особенно в количественных исследованиях. Однако качественные данные демонстрируют, что сами по себе хронологические интервалы не являются достаточным объяснением изменений. Один и тот же срок проживания может сопровождаться совершенно разными жизненными траекториями. Деление по времени релевантно при их операционализации как возможных точек поворота (переход к предпринимательству, покупка жилья, получение гражданства и т. д.). Так, в нашем исследовании порог в 10 лет оказался релевантным потому, что именно к этому моменту у информантов складываются условия для принятия решений о закреплении. Следовательно, деление мигрантов по длительности проживания должно быть лишь первым шагом в анализе, за которым должно следовать углубление в смыслы, стратегии и контексты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Эндрюшко А. А. Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 147–168. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7). EDN YOWZWA. [Endryushko A. A. Duration of residence and integration of migrants: (non-)obvious interrelationships. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):147–168. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7)].
2. King R., Thomson M., Fielding T., Warnes T. Time, Generations and Gender in Migration and Settlement // The Dynamics of International Migration and Settlement in Europe / Ed. by R. Penninx, M. Berger, K. Kraal. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. P. 233–268.
3. Hagerstrand T. Space, time and human conditions // Dynamic Allocation of Urban Space / Ed. by A. Karlqvist, L. Lundqvist, F. Snickars. Farnborough : Saxon House, 1975. P. 3–12.
4. Hagerstrand T. Diorama, path and project // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1982. Vol. 73, № 6. P. 323–339. DOI [10.1111/j.1467-9663.1982.tb01647.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.1982.tb01647.x).
5. Cwerner S. The Times of Migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001. Vol. 27, № 1. P. 7–36. DOI [10.1080/13691830125283](https://doi.org/10.1080/13691830125283).
6. Griffiths M., Rogers A., Anderson B. Migration, Time and Temporalities: Review and Prospect. COMPAS, 2013. 31 p.
7. Cwerner S. Faster, Faster and Faster: The Time Politics of Asylum in the UK // Time and Society. 2004. Т. 13, № 1. С. 71–88. DOI [10.1177/0961463X04040747](https://doi.org/10.1177/0961463X04040747). EDN JTTHHN.

8. Robertson S. Cash Cows, Backdoor Migrants, or Activist Citizens? International Students, Citizenship, and Rights in Australia // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34, № 12. P. 2192–2211. DOI [10.1080/01419870.2011.558590](https://doi.org/10.1080/01419870.2011.558590).
9. Dauvergne C., Marsden S. The ideology of temporary labour migration in the post-global era // *Citizenship Studies*. 2014. Vol. 18, № 2. P. 224–242. DOI [10.1080/13621025.2014.886441](https://doi.org/10.1080/13621025.2014.886441).
10. Singh S., Cabraal A. Indian Student Migrants in Australia: Issues of Community Sustainability // *People and Place*. 2010. Vol. 18, № 1. P. 19–30.
11. Yeoh B., Lin W. Chinese Migration to Singapore: Discourses and Discontents in a Globalizing Nation-State // *Asian and Pacific Migration Journal*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 31–54. DOI [10.1177/011719681302200103](https://doi.org/10.1177/011719681302200103).
12. Robertson S. The Temporalities of International Migration: Implications for Ethnographic Research. Institute for Culture and Society Occasional Paper Series. 2014. Vol. 5, № 1. DOI [10.4225/35/57a969210f1a0](https://doi.org/10.4225/35/57a969210f1a0).
13. Golden D. Belonging through Time: Nurturing National Identity among Newcomers to Israel from the Former Soviet Union // *Time and Society*. 2002;11(1):5–24. DOI [10.1177/0961463X02011001001](https://doi.org/10.1177/0961463X02011001001).
14. Worby E. Address Unknown: The Temporality of Displacement and the Ethics of Disconnection among Zimbabwean Migrants in Johannesburg // *Journal of Southern African Studies*. 2010. Vol. 36, № 2. P. 417–431. DOI [10.1080/03057070.2010.485792](https://doi.org/10.1080/03057070.2010.485792).
15. Бредникова О. Е. «Время для временных»: особенности измерения времени для трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию // Антропология интердисциплинарности: тезисы международной научной конференции «Второй Томский антропологический форум» (Томск, 11–13 октября 2018 г.) / Отв. ред. Д. А. Функ, И. В. Нам. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 6–7. EDN [ZACDR](#). [Brednikova O. E. “Time for the temporary”: features of time measurement for labor migrants from Central Asia to Russia. In: Funk D. A., Nam I. V., eds. *Anthropology of interdisciplinarity: abstracts of the international scientific conference “The Second Tomsk Anthropological Forum”* (Tomsk, October 11–13, 2018). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta; 2018. P. 6–7. (In Russ.)].
16. Бредникова О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. Т. 18, № 4. С. 705–720. DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720). EDN [YCCCBY](#). [Brednikova O. E. Mobile employment of a mobile subject. *The Journal of Social Policy Studies*. 2020;18(4):705–720. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720)].
17. Савоскул М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 103–112. EDN [OPGTIN](#). [Savoskul M. S. Adaptation strategies of ethnic migrants in local communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2011;(5):103–112. (In Russ.)].
18. Faist T. Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // *Archives Européennes de Sociologie*. 1998. Vol. 39, № 2. P. 213–247.
19. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин ; пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с. [Strauss A., Corbin D. Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques. Moscow: Editorial URSS; 2001. 256 p. (In Russ.)].

Сведения об авторе

А. А. Эндрюшко

кандидат социологических наук,
научный сотрудник,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 4458-5876

Статья поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 25.10.2025;
принята к публикации 17.11.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.9)

OPPORTUNITY, RESOURCE, BURDEN: THE ROLE OF TIME IN MIGRANT INTEGRATION

Anna Alexandrovna Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Institute of China and Contemporary Asia of RAS,
Moscow, Russia
anna.endryushko@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1358-1145

For citation: Endryushko A. A. Opportunity, resource, burden: the role of time in migrant integration. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):212–229. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.9).

Abstract. The article examines the role of time in migrant integration processes. This study continues a previous research stage based on quantitative data and aims to uncover the mechanisms through which time exerts its influence. Drawing on 32 in-depth semi-structured interviews with migrants from Azerbaijan with varying migration backgrounds (from 5 to over 20 years), it explores how time is linked to aspects of integration covered in the previous article: professional status, interethnic interaction, language skills, quality of life, identity structures, and transnationalism. The analysis was conducted using the open coding method, with the identification of subcategories reflecting individual integration strategies over time. The results demonstrate that the influence of time on integration is non-linear and multidimensional. In professional advancement and interethnic interaction, time acts primarily as a backdrop for the implementation of personal strategies, weakly determining changes. In language integration and quality of life improvements, a cumulative effect is observed, whereby time creates the opportunity for improvement but does not guarantee it. In transnational practices and identity structures, time transforms the nature of ties rather than their intensity – shifting from everyday involvement to symbolic forms of connection and the formation of a complex, multi-layered identity. The role of time in migration processes is conceptualized as an opportunity, a resource, or a burden, depending on life circumstances and migrants' personal agency. The theoretical contribution of the article lies in rethinking time not as an external determinant, but as a socially constructed category in which migrants become active agents managing their own temporal narratives. The

research confirms that successful integration is not an automatic outcome of time elapsed, but rather the result of the interaction between long-term residence and a system of personal and structural conditions.

Keywords: migration, migrant integration, time, temporality, long-term migration, circular migration, identity, transnationalism.

Information about the Author

A. A. Endryushko

Candidate of Sociology,

Researcher,

Senior Researcher

ResearcherID: H-8504-2018

Scopus AuthorID: 57208757763

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 25.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.